

Слезин А. А. Противостояние верующих и юных «безбожников» как фактор межпоколенческого разлома в российской деревне 1920-х годов / А. А. Слезин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 467—491. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-467-491.

Slezin, A. A. (2023). Confrontation between Believers and Young “Godless” as a Factor of Intergenerational Rift in Russian Village in 1920s. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 467-491. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-467-491. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-467-491

Противостояние верующих и юных «безбожников» как фактор межпоколенческого разлома в российской деревне 1920-х годов

Слезин Анатолий Анатольевич
orcid.org/0000-0002-9559-7553
доктор исторических наук, профессор
anatoly.slezin@yandex.ru

Тамбовский государственный
технический университет
(Тамбов, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 22-18-00132,
<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Confrontation between Believers and Young “Godless” as a Factor of Intergenerational Rift in Russian Village in 1920s

Anatoly A. Slezin
orcid.org/0000-0002-9559-7553
Doctor of History, professor
anatoly.slezin@yandex.ru

Tambov State Technical University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-18-00132,
<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

© Слезин А. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализированы взаимоотношения представителей поколений «революционного перелома» (родившихся на рубеже XIX—XX веков) и «детей революции» (тех, чье детство пришлось на первое послереволюционное пятнадцатилетие). Изучается роль юных «безбожников» 1920-х годов в эволюции морально-нравственного состояния крестьянских «отцов». Исследование проводится на основе широкого пласта архивных документов и материалов периодической печати, большая часть которых вводится в научный оборот впервые. Уделяется внимание теоретическому обоснованию роли пионеров в формировании «нового человека», их практическим усилиям на данном направлении и реакции крестьянства. Показано, что духовное наследие, которое по правилам преемственности развития поколение «революционного перелома» призвано было передать своим преемникам, в реальной жизни было отвергнуто активными представителями младшего поколения. Противостояние юных «безбожников» и приверженцев традиционных религий существенно повлияло на усиление межпоколенческого разлома российского села. Анализ опыта формирования основ пионерского движения и выявление причин обострения межпоколенческого конфликта в российской деревне (в том числе детской антирелигиозной деятельности) имеют особую актуальность в связи с процессом поиска модели воспитания, соответствующей современным запросам государства и общества.

Ключевые слова:

поколения; революционный перелом; отцы и дети; пионеры; крестьяне; религия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relationship between representatives of the generations of the “revolutionary turning point” (born at the turn of the 19th-20th centuries) and “children of the revolution” (those whose childhood fell on the first post-revolutionary fifteen years) is analyzed. The role of the young “godless” of the 1920s in the evolution of the moral state of the peasant “fathers” is studied. The role of the young “godless” of the 1920s in the evolution of the moral state of the peasant “fathers” is studied. Attention is paid to the theoretical substantiation of the role of the pioneers in the formation of the “new man”, their practical efforts in this direction and the reaction of the peasantry. It is shown that the spiritual heritage, which, according to the rules of continuity of development, the generation of the “revolutionary turning point” was called upon to pass on to its successors, in real life was rejected by active representatives of the younger generation. The confrontation between young “godless” and adherents of traditional religions significantly influenced the strengthening of the intergenerational rift in the Russian village. An analysis of the experience of forming the foundations of the pioneer movement and identifying the causes of the exacerbation of intergenerational conflict in the Russian countryside (including children’s anti-religious activities) are of particular relevance in connection with the search for a model of education that meets the modern demands of the state and society.

Key words:

generations; revolutionary change; Fathers and Sons; pioneers; peasants; religion.

УДК 94(47).084.3/5:27-1

Противостояние верующих и юных «безбожников» как фактор межпоколенческого разлома в российской деревне 1920-х годов

© Слезин А. А., 2023

1. Введение = Introduction

В современной науке утвердилась позиция, согласно которой «каждое общество, находящееся в условиях трансформации и модернизации, сталкивается с расколом между “старым”, консервативным поколением и “новым”, новаторским» [Чистякова, 2016, с. 99]. Конфликт поколений признается имманентно присущим всем переломным периодам истории и принимающим конструктивную или деструктивную форму в зависимости от конкретно-исторических условий.

Применительно к 1920-м годам Ф. Н. Козлов справедливо обращает внимание на атмосферу перманентного противостояния, конфликта всех со всеми, когда гарантом хоть какой-то устойчивости не были даже родственные связи. Причем внутрисемейные конфликты, по мнению Ф. Н. Козлова, подчас отличались наибольшей жесткостью, «поскольку, с одной стороны, “враги” в силу длительного общежития хорошо знали слабые стороны друг друга, а с другой стороны — руководствовались пресловутым принципом “бей своих, чтобы чужие боялись”» [Козлов, 2014, с. 72].

В данной статье ставится цель выяснить, какое влияние на разрастание разрыва поколений оказала ситуация в духовной сфере, а именно отношения между верующими (в поколении «революционного перелома» их в этот период было большинство) и юными «безбожниками».

Новизна исследования в первую очередь связана с попыткой *объяснения* роли младшего поколения советских атеистов в углублении разлома крестьянских поколений и *выявления* отношения крестьянских «отцов» из поколения «революционного перелома» к активизации части детей на данном направлении деятельности.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологической основой исследования послужил междисциплинарный подход «поколенческой истории». Автор согласен с позицией Т. Шанина, утверждавшего, что без изучения поколенческой истории научная картина прошлого будет не вполне четкой [Шанин, 2005, с. 11]. Под *детьми революции* имеются в виду родившиеся в первое постреволюци-

онное пятнадцатилетие. *Революционным переломом*, как и Ю. А. Левада [Левада, 2001, с. 7], автор называет исторический период («условно») 1905—1930 годов. Обращая внимание на слово «примерно» в определении Ю. А. Левадой поколения «революционного перелома» как родившихся в 1890-е годы, автор считает правомерным расширение данных хронологических границ.

В методологическом плане крайне важен и вывод М. Мид, связывающей общественное предназначение юношества с «социальным бульдозированием», расчисткой почвы для будущего общества [Mead, 1970].

Современные историки показали, что межпоколенческий разрыв явно проявлялся уже в первое советское десятилетие. В частности, большую роль в ментальном разделении поколений играла советская школа: «то, что внушалось ребенку в семье, вступало в противоречие с тем, что преподавали в школе, а школьные знания ставила под сомнение бурно меняющаяся действительность» [Закарян, 2019, с. 13]. А. Ю. Рожков указывал на 1920-е годы как на время, когда на смену отживавшему культу старших приходил культ молодых. В результате активного влияния молодежи и в сельской местности произошло определенное прерывание традиций. Ювентизация, с его точки зрения, «была подобна дереву без корней» [Рожков, 2016, с. 179].

Солидаризируясь с данной позицией, попытаемся раскрыть роль детей, вовлеченных в антирелигиозную деятельность, в углублении разрыва поколений в российской деревне периода нэпа. При этом целесообразно учесть, что в современной историографии получили отражение не только активная роль детей 1920-х годов в антирелигиозной деятельности [Зиберт, 2017; Новиков, 2021; Новоселов и др., 2020; Перова, 2019; Рудюк, 2019; Рожков, 2012; Яшина, 2011; Kirschenbaum, 2001], но и ее влияние на общественные настроения крестьянства [Келемник, 2021; Макарова, 2015; Мухина, 2019]. Заслуживает внимания исследование, выявившее ресурсные особенности религиозной социализации поколения 1900—1917 годов рождения [Елютина и др., 2018]. В прошлом году были опубликованы довольно подробные обзоры современной литературы о роли поколения «революционного перелома» и молодежи в судьбе русской деревни первой трети XX века [Вязинкин, 2022; Слезин, 2022]. Радует, что современные исследователи, изучая сельскую реальность, все в большей степени делают выводы, изучая не только исходящие из центральных органов планы (не всегда достаточно реалистичные), но и отчеты с мест, документы, отражающие деятельность сельских организаций, повседневную жизнь сельского населения. В данном исследовании впервые вводится в научный оборот ряд архивных документов, анализируются опубликованные в 1920-е годы издания, на протяжении многих лет хранящиеся в спецхранах и недоступные ранее исследователям.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Начальный этап вовлечения детей в антирелигиозную деятельность

Активное вовлечение детей и молодежи в антирелигиозную деятельность советского государства начиналось с использования чисто силовых способов преодоления церковно-религиозного влияния. Активной роли подростков в ходе так называемого «штурма небес» явно способствовали их психо-возрастные особенности, стремления к высвобождению от зависимости родителей во всех отношениях, в том числе и от сковывающих развитие самостоятельности норм поведения. Именно в подростково-молодежной среде легче формируются нестандартные поведенческие модели, сопряженные с желанием «быть непохожим».

Главным помощником комсомола в антирелигиозной деятельности с 1922 года стали пионеры. Н. И. Бухарин считал, что именно пионерия «своими слабыми ручонками разрушает старые отношения в этой семейной организации, то есть ведет медленный подкоп под самую консервативную твердыню всех гнусностей старого режима» [Бухарин, 1963, с. 516]. Пионеры виделись Н. И. Бухарину силой «с новыми отношениями, новыми навыками, новыми устремлениями, новой психологией» [Там же, с. 515], оказывающей благотворное влияние и на старшие поколения. Организация семьи рассматривалась как главное поле революционной борьбы, звучали призывы разрушать старые семейные отношения [Там же, 1963, с. 516].

Пионеры говорили о том, что «начался поход против бога в собственном доме» [Под пионерским знаменем ..., 1977, с. 42]. Отчитываясь перед ЦК РКСМ о проведении «комсомольского рождества», местные комитеты комсомола как положительное явление отмечали, что мероприятие вызвало «злобу среди обывателей, стариков и остальных религиозных слоёв населения [Из истории ..., 1972, с. 76], хвалились, что они и подшефные им пионеры «наделали громадный шум среди обывательщины» [ГАСПИТО, ф. П-1205, оп. 1, д. 401, л. 14]. Негодование духовенства и «обывательской» общественности приравнивалось к трусости, боязни духовенства потерять паству [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 156, л. 78—85]. Причины отсутствия открытых выступлений тоже были истолкованы слишком упрощённо: «Паства оказалась не настолько религиозной, чтобы устраивать волнения» [ГАСПИТО, ф. П-1205, оп. 1, д. 401, л. 14].

«Борьба со старым» сочеталась не только с активизацией просветительской работы и насаждением новых советских традиций, но и с более широким распространением девиантного поведения. Недаром за 1918—1924 годы удельный вес несовершеннолетних среди заключённых российских тюрем увеличился в три раза [Гернет, 1927, с. 108]. Когда необхо-

димых знаний и умений для цивилизованной пропаганды как агрономии, так и атеизма не хватало, юнцы, усвоившие, что «при коммунизме религии места нет», в виде решающих аргументов использовали провокационные действия. Заходя в храмы, они демонстративно не снимали кепки, грызли семечки. Устраивались хоровые исполнения антирелигиозных песен у стен храмов, принародные сжигания икон. В качестве особых достижений назывался срыв богослужений [ГАСПИТО, ф. П-1205, оп. 1, д. 401, л. 9—14].

В сложившейся ситуации, пожалуй, юношеству требовалось особое внимание опытных наставников. Тем не менее, по мнению тогдашних пионерских методистов, на детских сборах и собраниях взрослых «вообще не должно быть (они стесняют ребят)» [Волков, 1924, с. 17—18].

«Пионерская правда» регулярно призывала детей «посеять безбожные семена в своей семье». Журнал «Мурзилка» звал: «Пионеры, раздувайте вы свои костры и на них богов сжигайте, вы свободны и сильны!» [А. П., 1924, с. 5]. Методические советы по организации антирелигиозной работы с детьми регулярно публиковал журнал «Пионер», неоднократно издавались книги на данную тему [Антирелигиозная пропаганда ..., 1925; Антирелигиозная кампания ..., 1926 и др.].

Н. И. Бухарин в качестве самой важной задачи указывал на воспитание крестьянских детей [Бухарин, 1924, с. 2]. На страницах детских изданий публиковалось множество рассказов, в которых старались как можно более простым языком объяснить детям парадоксальность религиозных догм и атрибутов. Примитивно показывалось и разочарование детей в Боге. 1 января 1927 года, например, «Пионерская правда» рассказала о впечатлениях девочки: «Влезла на стол, пощупала икону — доска. Поскребла ногтем — лупится краска. В угол за икону заглянула — пыль да паутина». Слово *безбожник* стало одним из самых популярных среди названий пионерских звеньев и уголков в школах и клубах.

Однако в сельской местности пионерское движение развивалось крайне медленно. В этой связи помочь деревне призывались городские пионеры: «Из города мы должны двинуться в деревню, рассмотреть, разузнать, как там живут, и вместе с тем помочь деревенским детям. Ни одной экскурсии в деревню без книжек, без “Ленинских внучат” — подарка деревенским товарищам! Каждое звено или отряд, пришедший в деревню, должен созвать детей, рассказать им все, что знают пионеры, организовать их при ячейке РЛКСМ или при избе — читальне. А затем не забывать — высылать книги, посылать письма, приходите самим» [Синеглазова, 1924]. Перед советскими праздниками, особенно в преддверии 1 Мая, пионеры города обычно выезжали в подшефные деревни с подарками — литературой, красными галстуками для пионеров деревни и красными ленточками для

остальных детей. Действенными методами пропаганды среди крестьян стали организуемые пионерскими лагерями вечера и концерты, шествия, сопровождаемые маршевой музыкой, скандированием революционных лозунгов и исполнением песен. Постепенно деревенские пионеротряды перенимали «эстафетную палочку» антирелигиозной пропаганды у городских товарищей и сами устраивали вечера, ставили антирелигиозные пьесы.

К 1 апреля 1924 года пионерская организация насчитывала 165 тысяч человек [Зиновьев, 1925, с. 6]. Про пионерское движение Г. Е. Зиновьев говорил: «Мы захватываем здесь совсем молодых ребят, родившихся после Октябрьской революции. Мы хотим организовать новое поколение, которое мы должны воспитать, переработать. Переварить в комсомольской организации, сделать из них коммунистов». Он призывал помнить, что «нужно перевоспитать целое поколение в коммунистическом духе». Именно поэтому, по логике Г. Е. Зиновьева, надо было значительно шире, чем в партию, привлекать в пионеры выходцев из крестьянской среды. Г. Е. Зиновьев обращал внимание на «колоссальную разницу между молодым поколением крестьян, выросшим в обстановке 7 лет революции, и крестьянскими стариками, выросшими в обстановке царизма» [Зиновьев, 1925, с. 11—12]. Чуть позже Л. Б. Каменев говорил о молодом поколении: «Это поколение, так сказать, идет под нашим стягом и единственно оно может поднять и создать новую психологию» [Каменев, 1929, с. 116]. Знаток нэповской деревни А. М. Большаков выделял в 1924 году «три поколения деревни на ленинском пути»: коммунисты — 173,5 тысяч человек, комсомольцы — 280 тысяч человек, пионеры — 200 тысяч человек [Большаков, 1925, с. 103].

3.2. Пионеры в авангарде детского антирелигиозного движения

В советском руководстве нашлись силы, осознавшие неэффективность «штурма небес» — преимущественного использования силовых способов преодоления религиозного влияния на общество. Повороту к более активной пропагандистской работе способствовало провозглашение политики государства «лицом к деревне». XIII съезд РКП(б) в мае 1924 года призвал полностью отказаться от борьбы с религией административными мерами, «не оскорблять религиозного чувства верующего, победа над которым может быть достигнута только очень длительной, на годы и десятки лет рассчитанной работой просвещения» [КПСС в резолюциях..., т. 3, с. 249]. Выступая на съезде, Н. И. Бухарин говорил: «Положение в деревне такое, что при повышающейся активности крестьянского молодняка, если мы не возьмем его на цугундер, его возьмут другие» [Бухарин, 1924, с. 26]. Г. Е. Зиновьев выдвинул задачу не расширения, а углубления антирелигиозной пропаганды [Зиновьев, 1925, с. 31]. Осенью 1924 года Центральные

Комитеты партии и комсомола направили на места совместный циркуляр о новом курсе в борьбе с религией.

В регионах руководство пионерской организации тоже старалось кардинально поменять подходы к ведению антирелигиозной деятельности. В комсомольских методичках пионерам советовали проявлять осторожность в деревне, учитывать религиозность крестьянства, начинать работу спокойно, без «введения трусиков» и запретов ходить в церковь: «Этим самым отпугиваются дети, особенно девочки, да и взрослое крестьянство сразу враждебно настраивается к пионерам — безбожникам в коротких штанах» [Пионер в деревне ..., 1924, с. 6].

Председатель детских коммунистических групп Тамбовской губернии Борис Брюханенко (родился в 1904 году, в 1928 году — заведомо детского коммунистического движения ЦК ВЛКСМ), выступая в июне 1924 года на губернской комсомольской конференции, говорил, что вопрос антирелигиозной пропаганды среди детей «довольно сложный»: «Был грубый подход, и случился скачок в организации, родители брали детей из отрядов, так как был слишком грубый подход. Необходимо сейчас антирелигиозную пропаганду углубить, не проводя кампаний, но наталкивая лишь детей на размышления о правильности религиозных учений и верований, о явлениях в природе, как гром и молния и проч., объясняя летние деревенские праздники, носящие полуязыческий характер» [ГАСПИТО, ф. П-1205, оп. 1, д. 549, л. 64.]. В августе 1924 года Б. Брюханенко требовал от председателей уездных и районных бюро юных пионеров «обратить внимание на изучение естествознания как на один из методов антирелигиозной пропаганды». Замечал при этом, что «с методами антипоповской пропаганды надо бороться» [ГАСПИТО, ф. П-1205, оп. 1, д. 625, л. 73]. В сентябре 1924 года бюро юных пионеров при Тамбовском губкоме РЛКСМ, заслушав доклад Б. Брюханенко, еще раз напомнило, что «необходимо остерегаться антипоповских методов». При этом особо акцентировалось внимание на сельской специфике: «Работа в деревне должна строиться немного иначе, чем в городе, во избежание отрыва деревенских отрядов от жизни крестьянства» [ГАСПИТО, ф. П-1205, оп. 1, д. 623, л. 19].

Между тем в сельской реальности религия и церковь зачастую попржнему представлялись однозначным злом, почему — толком не объяснялось. Способных пропагандировать атеизм среди сельской молодежи почти не было. Поэтому все так же предпочитали использовать «карнавальную» методику, дополняя ее читкой вслух присланных из центра текстов лекций, содержание которых непонятно было и самим новоиспеченным «лекторам». Активными участниками комсомольских мероприятий все в большей степени становились подшефные им пионеры.

Причем в детской и юношеской пропаганде отрицательными «старшими» персонажами не только в «поучительных» рассказах и заметках, но и в разделе «Письма читателей» часто подавали ближайших родственников детей и подростков: «Противостояние детей родителям отображалось как вполне серьезный “фронт” борьбы (можно судить хотя бы по названию одного из материалов — “У бабушки в плену”» [Кравченко, 2010, с. 350]. Исследователь А. В. Кравченко подчеркивает: «Очень часто внутри Советской России конфликт происходил именно между положительными персонажами: пионерами и людьми, относящимися к старшему поколению, в том числе — родителями» [Там же, с. 352]. Материалы из-за рубежа на антирелигиозные темы нередко сопровождались выводом о стремлении мировой контрреволюции «захватить в свои сети новое поколение».

Работавшая в «Крестьянской газете», в Черноземье и на Урале Елизавета Алексеевна Васильева сама принадлежала к поколению «революционного перелома» (родилась в 1888 году). Но она относилась к тем большевистским деятелям, которые видели необходимость кардинального отказа от традиций прошлого. Выдвигая новые задачи социального воспитания, она писала: «Нам приходится иметь дело с тяжелым наследством прошлого. Нам приходится вытравлять его следы, лежащие тяжелым клеймом решительно отовсюду. Разрушенный старый мир лежит в осколках, и наша задача придать этим осколкам вид стройного целого, найти формы еще невиданные» [Васильева, 1919, с. 10—12]. Одной из главных задач провозглашалось «устранение влияния современной семьи на развитие ребенка, т. к. оно по существу своему антиобщественно» [Там же, с. 12]. Более того, говорилось, что «семья бессильна создать “лучшее” для общества, и она должна быть устранена от воспитания детей» [Там же].

Семья в традиционном понимании противопоставлялась «пионерской семье» («Пионер — семьи дружнее / Ведь нигде ты не найдешь» [Летняя работа ..., 1927, с. 6]). Газета «Правда» указывала в редакционной статье: «Школа должна пропитать всё воспитание детей элементами антирелигиозности, помогая ребёнку освобождать себя от влияния церкви, которое проводится через семью, и теми многочисленными средствами, которые находятся в распоряжении религиозных организаций» [Антирелигиозная пропаганда ..., 1927]. Н. К. Крупская писала: «Ослабление семейного влияния — одно из условий выварки всего молодого поколения в котле коммунистической общественности» [Крупская, 1930, с. 3].

В антирелигиозной литературе изучаемого времени подчеркивалось, что семья — оплот религиозности, родители в силу своего возраста намного более консервативны и традиционны, чем подрастающее поколение. Е. Ярославский призывал селькоров шире освещать в печати, «как отно-

сится к религии молодежь, в каких формах выражается борьба стариков и молодежи на этой почве» [Ярославский, 1924]. Редакция «Безбожника» обращала особое внимание на подрастающее поколение и его воспитателей. Регулярно выпускались специальные школьные страницы. В 1924—1925 годах был проведен конкурс на лучшего учителя-антирелигиозника. Красноречив его девиз: «Не надо к слову “учитель” прибавлять слово “безбожник”, — надо, чтобы иначе и быть не могло».

С 1926 года в «Пионерской правде» целую страницу занимала рубрика «Пионерская деревня». В газете публиковали информацию о правильном содержании скота, посадке и сборе урожая и т. п. Газета настойчиво напоминала, что пионер должен помогать по дому, быть хозяйственным. Пионерам советовали привлекать родителей к участию в собраниях, ликвидировать неграмотность в семье и объяснять происхождение религиозных чудес с точки зрения науки. Детей призывали обязательно доносить эту информацию не только до своих родителей, но и до других «стариков-крестьян» [Пионер ..., 1925].

В июне 1925 года в резолюции IV Всесоюзной конференции ВЛКСМ «Об очередных задачах детского коммунистического движения» говорилось, что пионерские организации деревни переживают период «оформления содержания и методов работы, которые бы отвечали интересам и запросам крестьянских детей» [Товарищ комсомол ..., 1969, с. 274]. На местах также принимались подобные резолюции. Так, Смоленская губернская конференция ВЛКСМ в феврале 1926 года постановила: «Полученные в отряде знания и навыки необходимо передавать в общественно-бытовую жизнь деревни. Большое место должно занимать сельскохозяйственное воспитание пионера, изучение сельского хозяйства, передача полученных знаний в хозяйство родителей» [Дети и молодежь ..., 2006, с. 83].

Если на 1 января 1924 года в деревне было 639 пионерских отрядов, то на 1 октября 1925 года насчитывалось уже 1 491 744 пионеров и 156 404 октябрят, число сельских пионерских отрядов составляло 21 030 [Сборник ..., 1925, с. 16]. К январю 1926 года показатель вырос до 24 338 [Орлова, 2020, с. 172]. Если в 1924 году только 15 % пионерских отрядов функционировали в деревне, то к весне 1926 года доля пионеротрядов в деревне увеличилась до 63,6 % [Горлов, 1926, с. 5]. Пионерская организация в это время росла в основном за счет неиспользованных доселе резервов деревни. Например, в Тамбовской губернии в начале 1926 года 70,6 % пионерских отрядов были сельскими, 63,2 % пионеров губернии проживали в сельской местности. Через год процент сельских пионеров увеличился до 71,3 % [ГАСПИТО, ф. П-1205, оп. 1, д. 1268, л. 113—114]. Сдерживало развитие движения то, что в деревнях лишь немногие вожатые получали

оплату за работу через отпуск средств в Едином потребительском обществе, кассы взаимопомощи, а иногда состояли на содержании местных крестьян. Большинство же деревенских вожатых работали бесплатно.

Мы еще не можем говорить о широком охвате детей пионерским движением в этот период и в целом по стране. На 1 января 1927 года в СССР количество детей в возрасте от 10 до 16 лет составляло 24,8 миллиона человек, из них пионерами были лишь 7 % (1 миллион 739 тысяч 977 человек) [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 665а, л. 5]. Но именно пионеры проявляли наибольшую активность в общественной жизни детей советской деревни.

Читая периодику тех лет, постоянно встречаешь рассказы об участии пионеров в антирелигиозной пропаганде на селе. Некоторые из них превращали свои дома в подобие агитпунктов, украшая их плакатами и вырезками из антирелигиозных журналов. Антирелигиозным содержанием пионеры наполнили частушки, песни, игры. Например, одна из пионерских частушек провозглашала: «Дуня, Дуня, — спросим строго, / Отвечайка, — Веришь в Бога?» / Дуня скажет: Что мне Бог? / У меня папаша строг» [ГАСПИТО, ф. П-1205, оп. 1, д. 1268, л. 111]. Как противовес религии преподносились занятия спортом. Пионеры пытались внушить крестьянам, что до революции их нарочно «дурманили религией», а теперь можно будет заниматься полезным отдыхом.

3.3. Образование Союза безбожников и его деятельность среди детей

С середины 1920-х годов заметную роль в общественной жизни страны стал играть Союз безбожников (СБ), строящийся как широкая организация рабоче-крестьянской общественности. Общество возникло в 1924 году (официально — 19—24 апреля 1925 года, когда состоялся I съезд членов «общества друзей газеты «Безбожник»). Было создано также несколько дочерних обществ Союза безбожников. Так, в 1925 году была образована Татарская секция СБ «Дагриляр».

Уже на I съезде СБ предлагалось создать ячейки юных безбожников, принимая в них подростков с 14 лет. Но это предложение (так же, как и предложение снизить возраст вступления во «взрослые» организации до 16 лет) было отвергнуто. Молодых людей до 18 лет было разрешено принимать в кружки общества только с совещательным голосом. Опасения создания параллельной юношеской организации и падения авторитета СБ среди крестьян, особенно негативно относящихся к детским поучениям, взяли вверх.

Правда, на местах были попытки создания детских групп юных безбожников. В частности, в 1927 году такие группы были созданы в Тамбовской губернии [ГАСПИТО, ф. П-840. оп. 1, д. 4015, л. 8]. Раздавались предложения даже дошкольников организовать в безбожные группы.

С 1928 / 1929 учебного года советская общеобразовательная школа стала переходить с безрелигиозного на антирелигиозное воспитание [Шевченко, 2007]. А. В. Луначарский в связи с данным переходом ориентировал на включение борьбы с религией во все преподаваемые в школе предметы, в методическую и учебную литературу для школы. Особо подчеркивалось, что школа «должна, опираясь на другие формы просвещения, идущие по линии борьбы с религиозностью взрослых, захватить и семью, поддерживая тех, кто освобождает ребенка от религии, разгоняя в самой семье мрак, который мог бы парализовать усилия школы по отношению к ребенку или поставить ребенка в положение мучительного раздвоения» [Луначарский, 1965, с. 308].

2 октября 1928 года Исполнительное Бюро Центрального Совета СБ рассмотрело вопрос о работе среди детей и юношества. Было решено создать секцию по работе среди детей. Предлагалось «антирелигиозное воспитание начинать с самого раннего возраста» [ГАРФ, ф. Р—5407, оп. 1, д. 14, л. 65], широко охватывая им как школьную, так и внешкольную работу с детьми. Было проигнорировано мнение заместителя наркома просвещения РСФСР Н. К. Крупской, считавшей, что резкое введение антирелигиозной пропаганды в школе принесёт лишь негативные результаты, приведёт к «балалаечному» уклону. Радикально настроенные руководители СБ, одержав победу над умеренной линией Народного комиссариата просвещения РСФСР, превращали школу в один из центров антирелигиозной борьбы. Центральный печатный орган ЦК ВКП(б) газета «Правда» указывала в редакционной статье: «Школа должна пропитать всё воспитание детей элементами антирелигиозности, помогая ребёнку освобождать себя от влияния церкви, которое проводится через семью, и теми многочисленными средствами, которые находятся в распоряжении религиозных организаций» [Антирелигиозная пропаганда ..., 1928]. Руководитель СБ Е. М. Ярославский из статьи в статью настаивал на привлечении детей к антирелигиозной деятельности.

Однако каких-то заметных успехов в работе с детьми (по крайней мере в сельской местности) СБ до «великого перелома» не достиг. Решающие шаги к вовлечению детей в деятельность СБ сделал II съезд союза. В июле 1929 года СБ был переименован в *Союз воинствующих безбожников* и в него было разрешено вступать с 14 лет. Кроме того, при пионерских отрядах из детей с 8 лет создавались детские группы юных «воинствующих безбожников».

3.4. «Отцы» о детях

Среди крестьянства старших поколений, в том числе и поколения «революционного перелома», превалировало отрицательное отношение к пионерской организации. Важную роль в «отпугивании» крестьянства играл антирелигиозный характер ее деятельности. «Взрослое крестьянство сразу враж-

дебно настраивается к пионерам безбожникам в коротких штанах», — читаем мы в тогдашней комсомольской методичке [Пионер в деревне ..., 1924, с. 6]. От крестьян часто можно было услышать: «По нашей вере нам пионер не нужен» [Гурьянов, 1925, с. 34]. Практичные крестьяне опасались, что участие их детей в пионерском движении могло лишить семью рабочих рук, прибавить дополнительные финансовые расходы. Многие крестьяне связывали с пребыванием в пионерских отрядах праздное времяпрепровождение. Особое недоверие к новшествам в детской среде проявлялось в национальных селах.

При изучении ситуации в детском движении этого периода нам встретился интересный документ (дневник) о проведении культурного похода пионерактива железнодорожной базы юных пионеров г. Козлова в села Никифоровка и Ярославка в октябре 1928 года. Из бесед с крестьянскими детьми выяснилось то, что школа не охватывает всего населения. Многие ребята желали учиться, но их не принимали, так как школа была переполнена. Выяснилось, что у многих нет одежды и обуви. Когда спрашивали, имеется ли у них пионерорганизация и работала ли она у них, то они отвечали, что она имеется, но работать не работает, что вожатый совсем работу не ведет. Бывшие пионеры говорили, что бросили ходить в отряд только потому, что вожатый ими не занимался. На вопросы, почему они не записываются в пионерорганизации, говорили: или их матери не пускают, или просто не хотят. Пробовали беседовать о религии. На вопрос: «Вы веруете в Бога?» отвечали: «Да». На вопрос «А вы его видели?» последовал ответ: «Мы не видели. Отцы наши и прадеды видели». На вопрос «А вы в церковь ходите?» отвечали положительно. На вопрос «Зачем?»: «Богу молиться». Как следует из дневника, большинство крестьянских ребят указанных деревень желали учиться, но их или не принимали, или не пускали родители. Некоторые родители не давали своим детям окончить школу и принуждали их «дома сидеть» или младших ребят нянчить. К пионерской организации крестьяне относились плохо. Говорили, что там и курят, и хулиганят, и пьют наравне с большими. Городские пионеры старались рассказать, какой должна быть пионерская организация. После долгих рассуждений крестьяне высказывали сомнения: «Посмотрим, записывать ли нам детей в отряд или нет» [ГАСПИТО, ф. П-379, оп. 1, д. 57, л. 48—51].

Многочисленные примеры конкретных поступков пионеров и комсомольцев в нэповской деревне все больше давали повод говорить об их нетрадиционном отношении к старшим. Доходило до заявлений крестьянских сыновей отцу: «Ты меня должен кормить, так как я строю социализм, а ты собственник» [Русское ..., 2022, с. 111]. Информационный отдел ЦК ВЛКСМ признавал обострение взаимоотношений детей и молодежи с массами взрослого крестьянства из-за безответственного отношения юноше-

ства к своему хозяйству [Там же]. Это в корне противоречило крестьянскому культу семьи. Даже укоренившиеся в крестьянской среде пословицы ярко напоминают о традиционном понимании родительского долга в деревне: «Не тот отец, что вспоил, вскормил, а тот, кто уму-разуму научил».

Многие крестьяне пытались в домашних условиях «освободить от заблуждений» своих детей. Дело даже доходило до того, что отцы выгоняли из дома своих детей — «безбожников» [Козлов, 2013, с. 98]. Крестьяне, как правило, обвиняли пионеров в том, что те «позабыли Бога» и якобы из-за них погодные катаклизмы приводили к неурожаю и голоду.

32 % крестьян Донского округа в 1926 году выражали недовольство отсутствием преподавания в школах Закона Божьего. Типичный довод: «Закон Божий нужен для совести детей»; «Считаю религию основой нравственности» [Темкин, 1927, с. 127].

Отношение священников и крестьян к антирелигиозным мероприятиям как к хулиганству, судя по донесениям с мест, проявлялось очень широко [Большаков, 1925, с. 176, 196]. В Боровской волости Калужской губернии священник Виноградов говорил крестьянам, что «их дети развращаются, участвуя в антирелигиозных постановках». В Мартовской волости Актюбинской губернии священник отговаривал беспартийную молодежь идти на антирелигиозный спектакль. Посетивших спектакль он переписал и, вызвав их родителей, указал им на развращенность их детей. При формировании в деревне Ягуново Тюменской губернии пионерского отряда зажиточный крестьянин заявил, что в отрядах развращают детей, и многие крестьяне заставили своих детей выйти из отряда. В деревне Лежанке Омского уезда во время демонстрации пионеров в честь октябрьской революции крестьяне угрожали «вилами поколоть красных выродков» [Совершенно секретно ..., 2001, т. 2, с. 351—354].

Более того, во многих селах крестьяне переходили от угроз к экстремистским действиям против комсомольцев и пионеров. Так, на станции Годженской был избит пионерский отряд. Пионеры подверглись всечуждому издевательствам, их ставили на колени и заставляли молиться Богу [Там же, т. 4, ч. 1, с. 344—345].

Пропаганда связала несколько убийств на селе с религиозными убеждениями преступников. Е. Ярославский говорил, что на примере «убийств, совершаемых деревенскими кулаками, верующими, набожными людьми, будут учиться крестьяне распознавать ... новую правду»: «Но пусть не думают убийцы, что им удастся запугать молодую деревню, отрекающуюся от тьмы, невежества и религии» [Ярославский, 1926].

Справедливости ради заметим, что даже среди подростков, бесспорно, были и те, кто понимал, что их разгульное поведение в большей степени

работает против коммунистической идеологии (и атеизма в том числе). Это осознание приходило ко многим даже на бытовом уровне. Показательно название статьи в «Юном товарище»: «Довольно антирелигиозного хулиганства». Ее автор подчеркивал: «При всяком удобном и неудобном случае мы в демонстрацию введем что-нибудь антирелигиозное, наряжаем, как клоунов, несколько попов и пускаем их на посмешище». С позиции автора, «Такое кощунство не вырывает ... из-под влияния религиозного дурмана, а вызывает возмущение, и мы получаем вполне заслуженный упрек» [Слюсарев, 1924]. Многим юнцам все-таки было неприятно, когда их называли «хриstopродавцами», высмеивали в фольклоре, причем не только односельчане, но и ближайшие родственники.

Тем не менее к концу 1920-х годов некоторые родители перестали ходить в церковь, причем подчас не из-за изменения внутренних убеждений, а не желая испортить имидж детей. Интересно, что современные исследователи, пытаясь проанализировать воспоминания респондентов, родившихся до 1926 года, насчет религиозности их родителей, пришли к выводам об идентификации большинством из них своих родителей как неверующих. Даже если некоторые из них были религиозны, основной их религиозной практикой была домашняя (келейная) молитва [Уфимцева, 2018]. По крайней мере публично все чаще говорилось, что сельчане не отмечают религиозные праздники, не используют религиозные обряды. Под влиянием коммунистической пропаганды и воздействия младших членов семей на старших в жизни села постепенно в качестве важных вех повседневной жизни крестьян утверждались новые обряды.

Многих крестьян они возмущали, с особой неприязнью крестьяне относились к «красным похоронам»: организованное шествие с оркестром, красный гроб, революционные песни, почетный караул, полные революционной риторики речи над могилой. Как писал селькор, «всё было для крестьян ново и ошеломляюще» [Алеко, 1924]. Еще более удивляли крестьян «пионерские похороны», особенно когда дети хоронили сверстников без участия взрослых. «В заметках, написанных деткорами, пионерские похороны предстают как результат детской самодеятельности, при этом активность детей такова, что родители как бы отходят на второй план: они пассивны, полностью передают инициативу в руки товарищам покойного ребенка», — делает вывод исследовательница красной обрядности А. Д. Соколова [Соколова, 2013, с. 201—202].

Молодежи и пионерам настоятельно рекомендовалось агитировать за кремацию. Крематорий в молодежной и детской печати позиционировался как часть индустриального советского проекта, торжество технического прогресса, атеизма, санитарии, экономии и эстетики. Журнал «Огонек»,

например, внушал: «Кремация — это гигиена и упрощение захоронения, это отвоевание земли от мертвых для живых...» [Маллори, 1927, с. 14]. Для крестьян старших поколений все эти разговоры выглядели кощунственными, а чаще — просто непонятными.

В то же время для привлечения к новой обрядности более широкого круга крестьян организаторы весьма широко использовали элементы обрядности старой. Так, современные исследователи правомерно отмечают среди «отсылок к обряду крещения» «и имянаречение, и роль вожатых в качестве своеобразных крестных, и наличие такого символа, как звезда, напоминающего христианам о звезде Вифлеемской» [Жидкова, 2012, с. 412]. Во время «октябрин» или «звездин» новорожденного нередко зачисляли в пионерскую организацию или провозглашали октябренок и устанавливали над ним их шефство [ГАСПИТО, ф. П-1204, оп. 1, д. 287, л. 25]. «Октябрины» или «звездины» приобретали характер «обряда посвящения в строителя коммунизма» с выбором непривычного для крестьян имени для нового гражданина и подбором молитвы. Нередко использовался коллективный, при минимальном участии родителей, выбор имени путем голосования. Поэт А. Прокофьев провозгласил: «Мы святцы похерили... / Не имена — Лука, Фома, Митридор, / Их за пояс сразу навсегда / Заткнут Револа и Автодор» [Прокофьев, 1986, с. 114]. Нередко само присвоение новых имен вело к внутрисемейным конфликтам, свидетельствующим о борьбе традиций и «новой религии» и на этом уровне. Из-за подобных случаев в Воронежской губернии даже появилась поговорка: «Крестьянин октябрил, подарки получил, а потом у попа крестил» [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 392, л. 23].

4. Заключение = Conclusions

В советской России вследствие разрушения сложившейся до революции системы произошла локализация ранней религиозной социализации советских граждан внутри семьи. В крестьянской среде именно семья являлась основным «хранилищем» религиозных ценностей. Поэтому в борьбе за «нового человека» коммунистические идеологи первого послереволюционного десятилетия сделали ставку на разрушение семьи, фактически нарочно обостряя межпоколенческие отношения. Пионеры рассматривались не только как «материал для строительства нового общества», но и как сила, способная в целях формирования личности «с новыми отношениями, новыми навыками, новыми устремлениями, новой психологией и новым идеологическим строем» [Бухарин, 1963, с. 515] оказать глубокое влияние на старшие поколения.

Антирелигиозная пропаганда 1920-х годов в основном была ориентирована на слои, наиболее податливые к упрощенным схемам. В этом смысле дети стали одним из наиболее комфортных ее объектов. Сознание детей

в меньшей степени, чем сознание какого-либо другого из живших тогда поколений, было сориентировано на традиционные верования. К тому же в отличие от людей старших поколений у детей не было «механизма защиты» от критиков религии, а несправедливости и противоречия нэпа опровергали ценность многих религиозных идей. Прислушаемся к мнению М. А. Перовой: «Реальный выбор детей того времени свидетельствует об успехе воспитательной кампании партии, несмотря на все погрешности и недоработки» [Перова, 2019, с. 55].

Оценивая в целом взаимоотношения «отцов» и «детей» в крестьянской среде после революции, правильнее говорить даже не о конфликте поколений, а о глубоком разломе, разрыве поколений [Рожков, 2016]. Еще в «Азбуке коммунизма» Е. А. Преображенский и Н. И. Бухарин провозглашали: «Отдельный человек принадлежит не самому себе, а обществу — человеческому роду... Обществу же и принадлежит первейшее и основное право воспитания детей. И с этой точки зрения претензию родителей путем домашнего воспитания запечатлеть в психологии своих детей свою ограниченность необходимо не только отклонять, но и высмеивать самым беспощадным образом» [Бухарин, 1920, с. 197]. В нэповской действительности реализовались «случаи прямого вызова убеждениям взрослого человека, что в прежнем крестьянском сознании (иерархичность, уважение к старшим) было практически невозможно [Мищенко, 2020, с. 39]. Возмущавшее поколение «революционного перелома» оказалось в положении, когда материальное и духовное наследие, которое оно по правилам преемственности развития призвано было передать своим преемникам, в реальной жизни наиболее активными представителями младшего поколения отвергалось.

Источники и принятые сокращения

1. А. П. Петькин сапог // Мурзилка. — 1924. — № 5. — С. 3—6.
2. Алеко. Комсомольские похороны // Новь. — 1924. — 11 апреля.
3. *Антирелигиозная кампания среди пионеров* / Сост. Ольга Шиллингер ; Под ред. И. Лилиной. — Ленинград : Государственное издательство, 1926. — 90 с.
4. *Антирелигиозная пропаганда — классовая борьба* // Правда. — 1928. — 25 декабря.
5. *Антирелигиозная пропаганда в пионеротрядах и школах. Сборник статей и материалов* / Сост. А. Волков. — Москва : «Новая Москва», 1925. — 238 с.
6. *Большаков А. М. Современная деревня в цифрах : экономика и разнообразный быт деревни за революционный период* / А. М. Большаков. — Ленинград : Прибой, 1925. — 112 с.
7. *Большаков А. М. Советская деревня (1917—1925 гг.) : экономика и быт* / А. М. Большаков. — 2-е изд., знач. доп. — Ленинград : Прибой, 1925. — 264 с.
8. *Бухарин Н. И. Азбука коммунизма : Попул. объясн. программы. Рос. ком. партии большевиков* / Н. И. Бухарин, Е. А. Преображенский. — Москва : Государственное издательство, 1920. — 340 с.

9. Бухарин Н. И. Доклад о работе среди молодежи / Н. И. Бухарин // Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчет. — Москва : Госполитиздат, 1963. — С. 510—527.

10. Бухарин Н. Смелее в деревню / Н. И. Бухарин // Вожатый. — 1924. — № 5. — С. 1—5.

11. Васильева Е. А. Задачи социального воспитания / Е. А. Васильева // Вестник просвещения. — 1919. — № 1—2. — С. 10—12.

12. Волков А. Как вести работу пионеротряда / А. Волков // Вожатый. — 1924. — № 2. — С. 17—18.

13. Гернет М. Н. Преступность и самоубийства во время войны и после нее : 2-й вып. “Моральной статистики” / М. Н. Гернет. — Москва : ЦСУ СССР, 1927. — 270 с.

14. Горлов А. В. Очередные задачи детского коммунистического движения : доклад и заключительное слово на VII Всесоюзном съезде ВЛКСМ, 21 марта 1926 г. / А. Горлов. — Москва ; Ленинград : Молодая гвардия, 1926. — 34 с.

15. ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р—5407. Оп. 1. Д. 14.

16. ГАСПИТО — Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области. Ф. П-379. Оп. 1. Д. 57. Л. 48—51. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 4015. Л. 8. Ф. П-1205. Оп. 1. Д. 401. Л. 9—14. Д. 549. Л. 64. Д. 623. Л. 19. Д. 625. Л. 73. Д. 1268. Л. 111, 113—114.

17. Гурьянов В. Как относится крестьянство к пионерскому движению / В. Гурьянов // Вожатый. — 1925. — № 1. — С. 33—35.

18. Дети и молодежь Смоленщины : 1920—1930-е годы : Сб. док. / Гос. архив новейшей истории Смоленской обл. ; Отв.ред. Е. В. Козин. — Смоленск : Маджента, 2006. — 528 с. — ISBN 5-98156-054-1.

19. Зиновьев Г. Е. Что такое Комсомол и чем он должен стать : очередные задачи Комсомола : доклад на собрании Ленинградской организации Комсомола, 5-го мая 1924 г. / Г. Е. Зиновьев. — 3-е изд. — Ленинград : Прибой, 1925. — 45 с.

20. Из истории Курской областной комсомольской организации (1918—1970 гг.). — Курск : Курская правда, 1972. — 472 с.

21. Каменев Л. Б. Общие вопросы политики партии : Доклад на пленуме ЦК РЛКСМ 18 сентября 1924 г. / Л. Б. Каменев. — Статьи и речи. — Ленинград : Государственное издательство, 1929. — Т. 11 : Социалистическое строительство и его трудности. — С. 87—119.

22. Крупская Н. К. О пионердвижении на данном этапе / Н. К. Крупская // За коммунистическое просвещение. — 1930. — № 158. — С. 3.

23. Летняя работа городского и деревенского отряда юных пионеров / В. Л. К. С. М. Костромск. губ. ком-т. (Бюро юных пионеров). — Кострома, 1927 (2-я гос. типо-лит. Полиграфтреста). — 29 с.

24. Луначарский А. В. Антирелигиозная борьба в школе / А. В. Луначарский // Почему нельзя верить в бога? — Москва : Наука, 1965. — С. 303—308.

25. Маллори Д. Огненные похороны (фото С. Фридиянда) / Д. Маллори // Огонек. — 1927. — № 50. — С. 14.

26. О работе в деревне : Резолюция тринадцатого съезда РКП (б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986) / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — 9-е изд., испр. и доп. — Москва : Политиздат, 1984. — Т. 3 : 1922—1925. — Москва : Политиздат, 1984. — С. 240—250.

27. *Пионер* — *вожак* деревенских ребят // Пионерская правда. — 1925. — 14 июня.
28. *Пионер* в деревне (сборник материалов по работе деревенского отряда). — Омск : Издание Омского Губкома РКЛСМ, 1924. — 53 с.
29. *Прокофьев А. А.* Стихотворения и поэмы / А. А. Прокофьев. — Ленинград : Советский писатель, 1986. — 592 с.
30. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории. Ф. М—1. Оп. 23. Д. 156. Л. 78—85. Д. 392. Л. 23. Д. 665а. Л. 5.
31. *Русское* и советское молодёжное движение в документах 1905—1937 гг. — Москва : ОМП-Пресс, 2002. — 384 с.
32. *Сборник* статистических сведений о состоянии РЛКСМ и детдвижения за период с 1 апреля 1924 г. по 1 октября 1925 г. / Рос. ленин. коммунистич. союз молодежи, Центр. ком. РЛКСМ, Стат. подотд. — Москва : Тип. ЦК РКП (б), 1925. — 20 с.
33. *Синеглазова И.* Крепче связь с крестьянскими детьми / И. Синеглазова // Молот. — 1924. — 6 сентября.
34. *Слюсарев.* Довольно антирелигиозного хулиганства / Слюсарев // Юный товарищ. — 1924. — 17 сентября.
35. «*Совершенно секретно*» : Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.) : Сборник докладов в 10 т. — Москва : Институт российской истории Российской акад. наук [и др.], 2001. — Т. 2. — 516 с. — ISBN 5-8055-0067-1.
36. *Темкин А.* Что думает крестьянство и казачество Дюнокрага о школе / А. Темкин // Народное просвещение. — 1927. — № 8—9. — С. 122—132.
37. *Товарищ* комсомол : документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ. В 2-х т. / Сост.: В. Десятерик и др. — Москва : Молодая гвардия, 1969. — Т. 1 : 1918—1941. — 606 с.
38. *Ярославский Е.* Доклад на Всесоюзном совещании рабкоров и селькоров при «Правде» / Е. Ярославский // Правда. — 1924. — 19 декабря.
39. *Ярославский Е.* Погибший за правду / Е. Ярославский // Безбожник. — 1926. — 28 марта.

Литература

1. *Вязинкин А. Ю.* Поколение «революционного перелома» в судьбе русской деревни первой трети XX в. : проблемы историографии / А. Ю. Вязинкин // Вопросы истории. — 2022. — № 7—2. — С. 153—165. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46.
2. *Елютина М. Э.* Ресурсные особенности религиозной социализации : поколенческий подход (по материалам социологических исследований советского и постсоветского периодов) / М. Э. Елютина, Е. И. Уфимцева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2018. — № 3. — С. 88—100. — DOI: 10.21685/2072-3016-2018-3-10.
3. *Закарян С. А.* Молодежь в условиях культурной революции в советской России в 1920-е гг. : проблемы социализации / С. А. Закарян // Наука и образование : проблемы, идеи, инновации. — 2019. — № 10. — С. 12—15.
4. *Зиберт Н. П.* Антирелигиозная деятельность комсомольских и пионерских организаций на Алтае в 1920-е гг. / Н. П. Зиберт // Известия Алтайского государственного университета. — 2017. — № 5. — С. 44—48. — DOI: 10.14258/izvasu(2017)5-06.
5. *Из истории* Курской областной комсомольской организации (1918—1970 гг.). — Курск : Курская правда, 1972. — 472 с.
6. *Келемник И. А.* «Смычка» города и деревни в контексте идеологического воспитания молодежи по материалам газеты «Пионерская правда» / И. А. Келемник // Гриша-

евские чтения. — Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет, 2021. — С. 346—352.

7. *Козлов Ф. Н.* Комсомол и его роль в становлении и развитии антирелигиозного движения в первое десятилетие советской власти (на материалах Мордовии, Марий Эл и Чувашии) / Ф. Н. Козлов // *Youth World Politic.* — 2013. — № 1. — С. 98.

8. *Козлов Ф. Н.* Молодежные реакции на инновационный концепт советского безбожия : историко-психологический аспект / Ф. Н. Козлов // *PolitBook.* — 2014. — № 3. — С. 68—79.

9. *Конович А. А.* Театрализованные праздники и обряды в СССР / А. А. Конович. — Москва : Высшая школа, 1990. — 208 с. — ISBN 5-06-000617-4.

10. *Кравченко А. В.* Репрезентация «врага» в советских детских журналах 1924—1932 годов (на основе материалов журналов «Пионер» и «Мурзилка») / А. В. Кравченко // *Литература, язык, периодическая печать в жизни российского общества и государства (XVIII—XX вв.)* : сб. ст. / под общ. ред. В. Ф. Блохина. — Брянск : Курсив, 2010. — С. 331—356.

11. *Красная Слобода* / В. А. Юрченков [и др.] ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. — Саранск : НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2008. — 464 с. — ISBN 978-5-900029-55-9.

12. *Левада Ю. А.* Поколения XX века : Возможности исследования / Ю. А. Левада // *Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены.* — 2001. — № 5. — С. 7—14.

13. *Макарова Ю. В.* Антирелигиозное воспитание пионеров в 1920-х гг. в СССР / Ю. В. Макарова // *Преподаватель XXI век.* — 2015. — № 3—2. — С. 353—358.

14. *Мищенко Т. А.* Молодое поколение в конструировании новой политической идентичности в 1920-е гг. в деревне Юго-Запада России / Т. А. Мищенко // *Манускрипт.* — 2020. — Т. 13. — № 10. — С. 34—40. — DOI: 10.30853/manuscript.2020.10.7.

15. *Мухинова Н. А.* «Смелее в деревню» : распространение пионерского движения в сельских населенных пунктах Советского Союза в 1922—1925 гг. / Н. А. Мухинова // *Манускрипт.* — 2019. — Том 12. — Выпуск 9. — С. 41—44. — DOI: 10.30853/manuscript.2019.9.8.

16. *Новиков С. Г.* Пионерия в системе воспитания «нового человека» (1920-е годы) / С. Г. Новиков // *Проблемы современного образования.* — 2021. — № 3. — С. 150—162. — DOI: 10.31862/2218-8711-2021-3-9-23.

17. *Новосёлов А. Л.* Поп с кулаком сварганил «чудо» : антирелигиозная пропаганда на страницах детского журнала «Юные безбожники» / А. Л. Новосёлов, А. А. Сальникова // *Современная научная мысль.* — 2020. — № 2. — С. 80—86.

18. *Орлова Л. Н.* История становления пионерской организации в деревне в середине двадцатых годов XX века / Л. Н. Орлова // *Вестник государственного и муниципального управления.* — 2020. — Т. 9. — № 4. — С. 171—180. — DOI: 10.22394/2225-8272-2020-9-4-171-180.

19. *Перова М. А.* «Красногалстучные»: пионерское движение в повседневной жизни советских детей в 1920-е — начале 1930-х гг. (на материалах Курганского и Шадринского округов) / М. А. Перова // *Вестник Томского государственного университета.* — История. — 2019. — № 61. — С. 50—57. — DOI: 10.17223/19988613/61/7.

20. *Под пионерским знаменем* / сост. В. И. Лопатова, Н. Н. Сластухин. — Саранск : Мордовское книжное издательство, 1987. — 224 с.

21. *Рожков А. Ю.* «Бог есть, но я в него уже не верю» : детские религиозные / антирелигиозные представления и практики в 1920-е годы / А. Ю. Рожков // *Культурная жизнь Юга России.* — 2012. — № 4. — С. 86—90.

22. Рожков А. Ю. Трансформация ценностных ориентаций сельской молодежи Кубани в условиях межпоколенческого разрыва (1920-е гг.) / А. Ю. Рожков // Голос минувшего. — 2016. — № 3—4. — С. 164—182.

23. Рудюк О. Г. Начальный период атеистического воспитания среди детей и молодежи в БССР / О. Г. Рудюк // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. — 2019. — № 1. — С. 126—136.

24. Слезин А. А. Сельская молодежь первой трети XX в. и ее влияние на социум в оценках современных исследователей / А. А. Слезин // Вопросы истории. — 2022. — № 8—2. — С. 106—128. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202208Staty32.

25. Соколова А. «Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому» / А. Соколова // Отечественные записки. — 2013. — № 5. — С. 201—202.

26. Уфимцева Е. И. Практики чтения религиозной литературы в процессе ранней религиозной социализации старшего поколения россиян / Е. И. Уфимцева // Книга в повседневной жизни : горизонты понимания. — Саратов : Экон-Информ, 2018. — С. 195—200.

27. Чистякова Д. П. Типологизация поколений по Ю. Леваде : социолого-культурологический аспект / Д. П. Чистякова // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция : теория и практика. — 2016. — № 9. — С. 99—103.

28. Шанин Т. История поколений и поколенческая история / Т. Шанин // Человек. Сообщество. Управление. — 2005. — № 3. — С. 6—25.

29. Шевченко В. А. Советская школа : переход от безрелигиозного воспитания к антирелигиозному (1927—1929 гг.) / В. А. Шевченко // Новый исторический вестник. — 2007. — № 2. — С. 207—213.

30. Яшина М. А. Антирелигиозное образование и воспитание в СССР в 1920-е годы : уроки истории и современность / М. А. Яшина // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2011. — № 3. — С. 201—208.

31. Kirschenbaum L. A. Small Comrades : Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917—1932 / L. A. Kirschenbaum. — New York ; London : RoutledgeFalmer, 2001. — IX, 232 с. — ISBN 0-8153-3945-3.

32. Mead M. Culture and Commitment. A Study of the Generation Gap / M. Mead. — New York : Published for the American Museum of Natural History, Natural History Press, 1970. — 113 с.

Material resources

A. P. Petkin boot. (1924). *Murzilka*, 5: 3—6. (In Russ.).

About work in the countryside: Resolution of the Thirteenth Congress of the RCP(b). In: The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898—1986), 3: (1922—1925). (1984). Moscow: Politizdat. 240—250. (In Russ.).

Aleko. Komsomol funerals. (1924). *Nov. April 11*. (In Russ.).

Anti-religious campaign among pioneers. (1926). Leningrad: State Publishing House. 90 p. (In Russ.).

Antireligious propaganda — class struggle. (1928). *Pravda. December 25*. (In Russ.).

Anti-religious propaganda in pioneer schools and schools. Collection of articles and materials. (1925). Moscow: “New Moscow”. 238 p. (In Russ.).

Bolshakov, A. M. (1925). *Modern village in numbers: economy and diverse life of the village during the revolutionary period*. Leningrad: Priboi. 112 p. (In Russ.).

- Bolshakov, A. M. (1925). *The Soviet village (1917—1925): economy and life. 2nd ed., significant additional*. Leningrad: Priboy. 264 p. (In Russ.).
- Bukharin, H. I., Preobrazhensky, E. A. (1920). *The Abc of Communism: Populus. explanation of the program. Ros. com. The Bolshevik Party*. Moscow: State Publishing House. 340 p. (In Russ.).
- Bukharin, N. I. (1924). Bolder to the village. *The counselor*, 5: 1—5. (In Russ.).
- Bukharin, N. I. (1963). Report on work among young people. In: *Thirteenth Congress of the RCP(b). May 1924. Verbatim report*. Moscow: Gospolitizdat. 510—527. (In Russ.).
- Children and youth of the Smolensk region: 1920—1930s: Collection of documents*. (2006). Smolensk: Magenta. 528 p. ISBN 5-98156-054-1. (In Russ.).
- Collection of statistical data on the state of the RLKSM and children's movement for the period from April 1, 1924 to October 1, 1925*. (1925). Moscow: Type. Central Committee of the RCP (b). 20 p. (In Russ.).
- Comrade Komsomol: documents of congresses, conferences and the Central Committee of the Komsomol. In 2 volumes, 1*. (1969). Moscow: Molodaya gvardiya. 606 p. (In Russ.).
- From the history of the Kursk regional Komsomol organization (1918—1970)*. (1972). Kursk: Kurskaya Pravda. 472 p. (In Russ.).
- Gernet, M. N. (1927). *Crime and suicide during the war and after it: 2nd issue. "Moral statistics"*. Moscow: CSU of the USSR. 270 p. (In Russ.).
- Gorlov, A. V. (1926). *The next tasks of the children's communist movement: report and final speech at the VII All-Union Congress of the Komsomol, March 21, 1926*. Moscow; Leningrad: Molodaya gvardiya. 34 p. (In Russ.).
- Guryanov, V. (1925). How does the peasantry relate to the pioneer movement. *Vozhaty*, 1: 33—35. (In Russ.).
- Kamenev, L. B. (1929). General questions of party policy: A report at the plenum of the Central Committee of the Komsomol on September 18, 1924. In: *Articles and speeches, 11: Socialist Construction and its difficulties*. Leningrad: State Publishing House. 87—119. (In Russ.).
- Krupskaya, N. K. (1930). About the pioneer movement at this stage. *For Communist enlightenment*, 158: P. 3. (In Russ.).
- Lunacharsky, A. V. (1965). Antireligious struggle at school. In: *Why can't you believe in God?* Moscow: Nauka. 303—308. (In Russ.).
- Mallory, D. (1927). Fiery funeral (photo by S. Fridlyanda). *Ogonek*, 50: S. 14. (In Russ.).
- Pioneer in the village (collection of materials on the work of the village detachment). (1924). Omsk: Edition of the Omsk Gubkom of the RKLSM. 53 p. (In Russ.).
- Prokofiev, A. A. (1986). *Poems and poems*. Leningrad: Soviet Writer. 592 p. (In Russ.).
- Russian and Soviet youth movement in documents of 1905—1937*. (2002). Moscow: OMP-Press. 384 p. (In Russ.).
- Russian State Archive of Socio-Political History. F. M—1. Op. 23. D. 156. l. 78—85. D. 392. l. 23. D. 665a. l. 5*. (In Russ.).
- Sineglazova, I. (1924). Stronger connection with peasant children. *Hammer*. September 6. (In Russ.).
- Slyusarev. (1924). Enough anti-religious hooliganism. *Young comrade*. September 17. (In Russ.).

- State Archive of Socio-political History of the Tambov region. F. P-379. Op. 1. D. 57. L. 48—51. F. P-840. Op. 1. D. 4015. L. 8. F. P-1205. Op. 1. D. 401. L. 9—14. D. 549. l. 64. d. 623. L. 19. D. 625. L. 73. D. 1268. L. 111, 113—114. (In Russ.).*
- State Archive of the Russian Federation. F. R—5407. Op. 1. D. 14. (In Russ.).*
- Summer work of the city and village detachment of young pioneers. (1927). Kostroma. 29 p. (In Russ.).*
- Temkin, A. (1927). What the peasantry and Cossacks of the Donokrug think about the school. *National Enlightenment*, 8—9: 122—132. (In Russ.).
- The pioneer is the leader of the village children. (1925). *Pioneer truth. June 14. (In Russ.).*
- “Top secret”: *Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922—1934): Collection of reports in 10 volumes, 2. (2001). Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences [and others]. 516 p. ISBN 5-8055-0067-1. (In Russ.).*
- Vasilyeva, E. A. (1919). Tasks of social education. *Bulletin of the Enlightenment*, 1—2: 10—12. (In Russ.).
- Volkov, A. (1924). How to conduct the work of the pioneer group. *The counselor*, 2: 17—18. (In Russ.).
- Yaroslavsky, E. (1926). Perished for the truth. *Godless. March 28. (In Russ.).*
- Yaroslavsky, E. (1924). Report at the All-Union meeting of workers and selkors at Pravda. *Pravda. December 19. (In Russ.).*
- Zinoviev, G. E. (1925). *What is the Komsomol and what it should become: the next tasks of the Komsomol: a report at the meeting of the Leningrad Komsomol Organization, May 5, 1924. 3rd ed. Leningrad: Surf. 45 p. (In Russ.).*

References

- Chistyakova, D. P. (2016). Typologization of generations according to Yu. Levada: socio-cultural aspect. *Socio-economic research, humanities and jurisprudence: theory and practice*, 9: 99—103. (In Russ.).
- Elyutina, M. E., Ufimtseva, E. I. (2018). Resource features of religious socialization: a generational approach (based on the materials of sociological studies of the Soviet and post-Soviet periods). *News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences*, 3: 88—100. DOI: 10.21685/2072-3016-2018-3-10. (In Russ.).
- From the history of the Kursk regional Komsomol organization (1918—1970). (1972). Kursk: Kurskaya Pravda. 472 p. (In Russ.).*
- Kelemnik, I. A. (2021). “The bow” of cities and villages in the context of ideological education of youth based on the materials of the newspaper “Pionerskaya Pravda”. In: *Grishaevskie readings. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University. 346—352. (In Russ.).*
- Kirschenbaum, L. A. (2001). *Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917—1932. New York; London: RoutledgeFalmer. IX, 232 c. ISBN 0-8153-3945-3.*
- Konovich, A. A. (1990). *Theatrical holidays and rituals in the USSR. Moscow: Higher School. 208 p. ISBN 5-06-000617-4. (In Russ.).*
- Kozlov, F. N. (2013). Komsomol and its role in the formation and development of the anti-religious movement in the first decade of Soviet power (based on the materials of Mordovia, Mari El and Chuvashia). *Youth World Political, 1: P. 98. (In Russ.).*
- Kozlov, F. N. (2014). Youth reactions to the innovative concept of Soviet atheism: historical and psychological aspect. *PolitBook*, 3: 68—79. (In Russ.).

- Krasnaya Sloboda*. (2008). Saransk: Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. 464 p. ISBN 978-5-900029-55-9. (In Russ.).
- Kravchenko, A. V. (2010). Representation of the “enemy” in Soviet children’s magazines of 1924—1932 (based on the materials of the magazines “Pioneer” and “Murzilka”). In: *Literature, language, periodicals in the life of Russian society and the state (XVIII—XX centuries): collection of articles*. Bryansk: Kursiv. 331—356. (In Russ.).
- Levada, Yu. A. (2001). Generations of the XX century: Research opportunities. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 5: 7—14. (In Russ.).
- Makarova, Yu. V. (2015). Antireligious education of pioneers in the 1920s in the USSR. *Teacher XXI century*, 3—2: 353—358. (In Russ.).
- Mead, M. (1980). *Culture and Commitment. A Study of the Generation Gap*. New York: Published for the American Museum of Natural History, Natural History Press. 113 p.
- Mishchenko, T. A. (2020). The young generation in the construction of a new political identity in the 1920s in the village of the South-West of Russia. *Manuscript*, 13 (10): 34—40. DOI: 10.30853/manuscript.2020.10.7. (In Russ.).
- Mukhinova, N. A. (2019). “Bolder to the village”: the spread of the pioneer movement in rural settlements of the Soviet Union in 1922—1925. *Manuscript*, 12 (9): 41—44. DOI: 10.30853/manuscript.2019.9.8. (In Russ.).
- Novikov, S. G. (2021). Pioneria in the system of education of the “new man” (1920s). *Problems of modern education*, 3: 150—162. DOI: 10.31862/2218-8711-2021-3-9-23. (In Russ.).
- Novoselov, A. L., Salmikova, A. A. (2020). (2020). Pop with a fist cooked up a “miracle”: anti-religious propaganda on the pages of the children’s magazine “Young Atheists”. *Modern scientific thought*, 2: 80—86. (In Russ.).
- Orlova, L. N. (2020). The history of the formation of a pioneer organization in the village in the mid-twenties of the XX century. *Bulletin of State and Municipal Administration*, 9 (4): 171—180. DOI: 10.22394/2225-8272-2020-9-4-171-180. (In Russ.).
- Perova, M. A. (2019). “Krasnogalstuchnye”: the pioneer movement in the daily life of Soviet children in the 1920s — early 1930s. (based on the materials of the Kurgan and Shadrinsky districts). *Bulletin of Tomsk State University*, 61: 50—57. DOI: 10.17223/19988613/61/7. (In Russ.).
- Rozhkov, A. Yu. (2012). “There is a God, but I no longer believe in him”: children’s religious / anti-religious ideas and practices in the 1920s. *Cultural life of the South of Russia*, 4: 86—90. (In Russ.).
- Rozhkov, A. Yu. (2016). Transformation of value orientations of rural youth of Kuban in the conditions of intergenerational gap (1920s). *Voice of the past*, 3—4: 164—182. (In Russ.).
- Rudyuk, O. G. (2019). The initial period of atheistic education among children and youth in the BSSR. *Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary*, 1: 126—136. (In Russ.).
- Shanin, T. (2005). The history of generations and generational history. *Man. Community. Management*, 3: 6—25. (In Russ.).
- Shevchenko, V. A. (2007). Soviet school: transition from non-religious education to anti-religious (1927—1929). *New Historical Bulletin*, 2: 207—213. (In Russ.).
- Siebert, N. P. (2017). Antireligious activity of Komsomol and pioneer organizations in the Altai in the 1920s. *News of the Altai State University*, 5: 44—48. DOI: 10.14258/izvasu(2017)5-06. (In Russ.).

- Slezin, A. A. (2022). Rural youth of the first third of the XX century and its influence on society in the assessments of modern researchers. *Questions of history*, 8—2: 106—128. DOI: 10.31166/VOPROSYISTORII202208STATY32. (In Russ.).
- Sokolova, A. (2013). “It is impossible, it is impossible to bury new people in the old way”. *Domestic notes*, 5: 201—202. (In Russ.).
- Ufimtseva, E. I. (2018). Practices of reading religious literature in the process of early religious socialization of the older generation of Russians. In: *Book in everyday life: horizons of understanding*. Saratov: Ekon-Inform. 195—200. (In Russ.).
- Under the pioneer banner*. (1987). Saransk: Mordovian Book Publishing House. 224 p. (In Russ.).
- Vyazinkin, A. Yu. (2022). Generation of “revolutionary turning point” in the fate of the Russian village of the first third of the XX century: problems of historiography. *Questions of history*, 7—2: 153—165. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46. (In Russ.).
- Yashina, M. A. (2011). Antireligious education and upbringing in the USSR in the 1920s: lessons of history and modernity. *Bulletin of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University*, 3: 201—208. (In Russ.).
- Zakaryan, S. A. (2019). Youth in the conditions of the cultural revolution in Soviet Russia in the 1920s: problems of socialization. *Science and education: problems, ideas, innovations*, 10: 12—15. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 17.12.2022,
одобрена после рецензирования 17.01.2023,
подготовлена к публикации 31.01.2023.